

*Для Жюстины, которая
разделила со мной самое
первое нью-йоркское
приключение.*

Глава 1

— Это отличное предложение, — сказала Софи, испытывая лишь легкое сожаление, что приходится отказаться. Когда-нибудь она полетит в Нью-Йорк, а сейчас не время. — Я не могу.

Анджела скривилась.

— Понимаю, это как гром среди ясного неба, и я готова убить Мел за то, что она сломала ногу.

— Сомневаюсь, что она сделала это специально, — мягко возразила Софи.

— Так или иначе, это чертовски не вовремя, и у меня очередь желающих занять ее место в Нью-Йорке на полгода, но ты мой лучший фуд-райтер. Ты бы идеально подошла!

— Ты очень добра, Анджела...

— Добра? — Анджела приподняла одну пугающе идеальную, выщипанную тонюсенькую бровь. — Я не занимаюсь добрыми делами. Это просто честность. Ты блестящий фуд-райтер, и я хочу... — Она покачала головой. — И не смей никому повторять мои слова... я хочу, чтобы ты расправила крылья.

— А еще ты в отчаянии, — поддразнила ее Софи.

— И то верно. — С самоуничижительным смешком Анджела отложила ручку. — Но хотя бы подумай об этом. Это потрясающая перспектива. Возможность поработать

по обмену подворачивается не так уж часто, и если бы не близнецы, я бы сама сорвалась с места.

— А как же Элла? Уверена, она с удовольствием согласится, — предложила Софи.

Анджела склонила голову набок.

— Ей двадцать девять, а ведет она себя как двенадцатилетняя девчонка. Это будет сушая катастрофа.

— Мне кажется, она не так уж плоха.

Анджела снова подняла бровь, на сей раз другую, но не менее пугающе идеальную.

— Я знаю, как много ты ей помогаешь. Сомневаюсь, что она вообще выживет без тебя.

— Значит, ты не можешь отправить меня в Нью-Йорк, — дерзко улыбнулась Софи.

Рассмеявшись, Анджела захлопнула блокнот.

— Мы справимся. — Ее лицо резко стало серьезным, когда Софи собиралась уходить. — Софи, пообещай, что подумаешь.

Софи вернулась в главный офис, где все еще обсуждали жуткий треск, с которым сломалась кость, когда Мел прыгнула со стойки в пабе, пропев «Я на полгода еду в Нью-Йорк». Над ее креслом все еще покачивался наполовину сдувшийся шарик с надписью «Мы будем по тебе скучать». Надо, чтобы кто-нибудь его снял прежде, чем приедет сотрудница с очень американским именем Брэнди Баумгартен, чтобы занять стол Мел. Да, прибраться бы не помешало. Бедняжка заслуживает большего, чем наслоений липких колец от бокала с просекко и крошек «Монстер Мунч» (любимого снека Мел), которые усеивали поверхность стола. Прихватив ножницы, Софи со щелчком срезала воздушный шар. Она поступила правильно, отказавшись от предложения Анджелы. Перспектива занять место Брэнди по ту сторону Атлантики представлялась

слишком уж пугающей. А бедняжка Брэнди, которая сюда приедет? В чужой город. Одна-одинешенька. Софи чуть не вздрогнула. Может быть, стоит испечь ей печенье в качестве приветствия? Толстые кукис с большими шоколадными чипсами, чтобы она почувствовала себя как дома? И не забыть про кофе. Американцы пьют много кофе. Может, собрать для нее самое необходимое? Так сказать, путеводитель по старой доброй Англии. Зонтик. И...

— Софи. Земля вызывает Софи. Как правильно писать — «клафоти» или «клафути»?

— Прости, что ты сказала? — Софи подтянула к себе воздушный шар и проткнула его ножницами.

— Молодец, — похвалила Элла, фуд-райтер «Сити Дзена». — Я сама собиралась это сделать. Ну во всяком случае, подумывала. И как пишется «клафути»? Вечно я забываю.

Произнеся по буквам название десерта, Софи села за стол напротив Эллы.

— Чего хотела Анджела? У тебя неприятности?

Софи покачала головой, все еще слегка ошеломленная предложением отправиться работать в сестринский офис на Манхэттене. Если она расскажет об этом Элле, сплетням не будет конца.

— Как прошли выходные? — Элла поморщилась. — Вот черт, спелл-чекер опять все испоганил. Можешь повторить еще раз по буквам? Я съездила в новое французское заведение в Сток-Ньюингтоне. Та еще поездочка, но... А как прошло в «Ле Гаврош» в субботу? О... Нет, он же не отказался?

Софи вздрогнула и выдавила беспечную улыбку.

— К сожалению, мы туда не попали. У него заболела мама.

— О, черт возьми, эта женщина вечно болеет.

— Но она же не виновата, — запротестовала Софи, игнорируя голос внутренней стервы, которая от всего

сердца согласилась с коллегой. Слишком ли эгоистично хотеть, чтобы миссис Соумс хотя бы иногда болела в чуть более удобное время, — и ситуация на сей раз была чрезвычайная. Пришлось вызывать «скорую» и ехать в больницу. Бедный Джеймс всю ночь провел в приемном покое, ожидая новостей.

— Ты чертовски добрая, — нахмурившись, отрезала Элла. — И чертовски снисходительная. Он тебя не заслуживает.

— Я бы не любила его, не будь он таким милым. Сколько ты знаешь мужчин, которые ставят на первое место семью?

Элла поджала бледно-розовые, усеянные блестками губки. Похоже, она снова совершила набег на шкаф редактора в отделе красоты.

— Вот уж точно. Грег забыл о Дне матери, о моем дне рождения и о нашей годовщине.

Софи хотелось закатить глаза, но она сдержалась. Грег редко помнил что-либо помимо точного времени, когда они с парнями играют в футбол.

— Ты потрясающе готовишь, — сказал Джеймс, откладывая нож и вилку.

Софи кивнула, очень довольная тем, как получилось массаман-карри. Сладкое и пряное, но с нужной кислинкой, и картофель вышел не слишком мягкий и не слишком твердый.

Они сидели за столом в ее просторной кухне, между ними горела свеча. Она обожала вечер понедельника, в этот день она готовила особый ужин, потому что знала, что Джеймс все выходные ухаживал за матерью. Он жил у матери три дня в неделю, а остальные четыре проводил в квартире Софи. Софи подозревала, что миссис Соумс вовсе не так уж плохо себя чувству-

ет, просто ей нравится, что сын дома. Но кто мог ее винить за это?

— Когда-нибудь надо на тебе жениться. — Он подмигнул и взял свой бокал, покачал в нем рубиново-красную жидкость и с удовольствием принял. Это было очень недурное австралийское мерло, которое она отыскала по рекомендации винного критика с работы и которое стоило небольшое состояние.

— Следовало бы, — ответила она, чувствуя, как сердце начинает тревожно колотиться.

Джеймс уже не в первый раз отпускал подобные замечания. И она думала, что в субботу в «Ле Гаврош» по случаю второй годовщины их первого свидания он сделает этот шаг... ну, она надеялась...

— Как дела сегодня на работе? — Это было самое замечательное в Джеймсе, он всегда искренне интересовался ее делами.

— Помнишь, я говорила тебе, что Мел в пятницу ушла? Во время празднования своего ухода она сломала ногу. Не может теперь поехать в Нью-Йорк. — Софи заколебалась, потом все же рассмеялась. — Анджела предложила мне поехать вместо нее.

— Что... поехать в Нью-Йорк? — Вид у Джеймса стал встревоженный.

— Не волнуйся, я отказалась. Я бы тебя не бросила.

Джеймс улыбнулся и похлопал ее по руке.

— Если бы ты действительно захотела поехать, я бы не возражал. — Он помолчал, а потом поднес ее руку к губам. — Но я бы ужасно скучал по тебе, дорогая. Мне бы очень не хотелось, чтобы ты уезжала.

Встав, Софи обошла стол и обняла его сзади за плечи, радуясь, что не слишком поверила лести Анджелы. Она бы с удовольствием посмотрела Нью-Йорк. Может быть, они с Джеймсом поедут вместе. Возможно, в медовый месяц.

Джеймс повернулся и уткнулся носом ей в шею.

— Ляжем пораньше? Я без сил. Возвращаться на машине из Корнуолла — сущий ад.

— Мне нужно прибраться.

Софи быстро оглядела заваленную посудой кухню, жалея, что учинила такой беспорядок. Джеймс всегда так устает, что она едва ли могла просить его о помощь, ведь он проехал больше двухсот миль. И ей действительно не на что жаловаться. У скольких людей ее возраста такая кухня? Сколько из них живут в роскошной квартире в Кенсингтоне? На этой квартире настоял папа. Было бы подло сказать «нет». Она любила отца до безумия, но это не означало, что она позволила ему помочь ей найти работу (замолвить словечко в совете директоров) или отправить ее в дорогую частную школу (она сама записалась в местную общеобразовательную), и уж совершенно неправильно пользоваться титулом.

К тому времени, когда она все убрала и вошла в спальню, в комнате было темно, а Джеймс уже крепко спал. Впрочем, он никогда не забывал оставить для нее ночник включенным. Софи тихо разделась и скользнула в постель, прижалась к нему, но никакой реакции не последовало. Бедняжка очень устал. Спит как убитый. Она улыбнулась и смахнула с его лба мягкую челку. Он был хорошим человеком. Не жалуясь, ухаживал за матерью. Софи закрыла глаза. Ей так повезло. Кому нужен Нью-Йорк?

«Опаздываю, увидимся на месте. Выходной сегодня, конечно, у меня, но так здорово, что ты добрая. Целую, К.»

Софи улыбнулась, прочитав сообщение. Кейт была совершенно невыносима: она даже больше, чем сама Софи, пыталась втиснуть в свой график столько дел, что ей нужны были дополнительные часы в сутках. Софи готова была поспорить на последний фунт, что Кейт осталась на ночь

у своего бойфренда Бена, что и послужило причиной ее опоздания. Они все еще находились в той фазе отношений, когда страсти кипят и невозможно не прикасаться друг к другу все время. А вот у Софи с Джеймсом ничего подобного не случилось. Они скорее мягко приземлились, чем упали с обрыва. Софи сомневалась, что сумеет справиться с такими сексуальными страстями. Это было совсем не в ее духе, и временами она задавалась вопросом, не ведет ли она себя чуточку эгоистично. Разве любовь не должна быть нежной, всеобъемлющей и дарующей тепло? Чем-то, что расцветает при необходимой подпитке и заботе? Хотя она не могла отрицать, что счастье и жизнерадостность Кейт были заразительны, и когда Бен вдруг шурился, глядя на Кейт, от его пристального взгляда у Софи мурашки бежали по коже.

Пока она ждала свой капучино, прислушиваясь к деловитому шипению кофеварки, за которой орудовала девушка, подменявшая по субботам бариста, Софи еще раз оглядела датские слоеные улитки. Нет, нельзя. Но они выглядели так аппетитно. Бесполезно. Совершенно невозможно устоять перед этими улитками или булочками с корицей.

Балансируя между столиками с тарелкой в одной руке и чашкой в другой, стараясь держать плечи ровно, чтобы сумка не соскользнула и не снесла посуду с какого-нибудь столика, Софи пробралась к своему любимому месту в углу, откуда открывался вид на оживленную улицу.

К несчастью, за ее любимым столиком сидела усталого вида женщина с маленькой девочкой, которая негодуя хныкала. Большие голубые глаза ребенка вспыхивали от возмущения, пока она тянулась пластиковой ложкой к стаканчику йогурта, который ее мать держала на расстоянии вытянутой руки. Софи поняла, почему стаканчик оказался подальше от опасной зоны. Маленькая девочка уже успела размазать большую часть его содержимого

по волосам, и мать пыталась оттереть с них белую жижу салфетками. С того места, где стояла Софи, казалось, что происходит борьба двух осьминогов.

Она села за соседний столик, с нежной улыбкой наблюдая за этой борьбой, и уже собиралась отвернуться, когда молодая женщина подняла голову и бросила на нее злобный взгляд, плотно сжав губы в презрительной усмешке.

Слишком поспешно отпив горячего кофе, который обжег ей горло, Софи отвела взгляд, потрясенная этой бурной, неприкрытой ненавистью, которая заставила ее почувствовать себя так, словно ей дали пощечину. Она сделала пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Бедной женщине, вероятно, тяжело приходится, и тут нет ничего личного. Выдавлив любезную улыбку, она сделала более размеренный глоток кофе и посмотрела на соседку, надеясь, что ободряющее, дружеское лицо поможет женщине почувствовать себя немного лучше.

Ух ты, она все неправильно поняла! Если уж на то пошло, лицо у женщины сделалось еще более злобным, губы сморщились, как древний грецкий орех, и мордашку девочки она теперь вытирала сердито, салфетки в ее руке развевались, как простыни на ветру.

Ее страдания и расстройство казались почти физически ощутимыми. Софи на секунду заколебалась. Она не могла игнорировать бедную женщину, которая явно была очень несчастна.

— Все в порядке? — спросила Софи с робкой улыбкой, чувствуя себя так, словно пытается урезонить львицу.

— В порядке? — рявкнула женщина, но тут маленькая девочка ударилась в рев, и лицо ее матери мгновенно расслабилось, а гнев и злоба сменились откровенным страданием. — Ох, Эмма, детка. — Липкими от йогурта руками она подхватила девочку и прижала к себе, растирая ей спину. — Ну же, ну же. Мама извиняется.

Софи почувствовала легкий укол зависти, что-то у нее внутри едва заметно екнуло. Однажды... когда-нибудь...

Девочка крепко прижалась к матери и, перестав плакать, с внезапным ликованием бросилась к стаканчику с йогуртом. Мать улыбнулась, смирилась и покачала головой.

— Ах ты, егоза! — Она нежно поцеловала мягкие, как сахарная вата, кудри девочки и посадила ее к себе на колени, поставив перед собой на стол стаканчик с йогуртом и протянув дочке ложку.

На Софи женщина посмотрела спокойно и не мигая, хотя в ее взгляде все еще сквозил гнев.

— Вы спросили, все ли у меня в порядке? — В ее глазах заблестели непролитые слезы, она вызывающе вздернула голову.

— Да. Вам нужна помощь? Похоже, у вас уйма хлопот. — Софи улыбнулась девочке, которая теперь казалась вполне довольной. — Она просто чудо. Хотя этому беспорядку не позавидуешь. Хотите принесу еще салфеток или еще чего-нибудь?

— Да, она чудо, и она моя, — откликнулась женщина и встревоженно обняла девочку за плечи, чтобы защитить ее.

— Да, — осторожно ответила Софи. Неужели эта женщина считает ее похитительницей детей или что-то в этом роде?

— Вы же не против, правда, Софи? Не против делиться всяким? — Голос женщины стал вдруг усталым, плечи поникли, на лице появилось выражение боли.

Улыбка Софи застыла. Что-то в тоне женщины подсказывало, что она должна иметь хотя бы какое-то представление о том, что здесь происходит. Как эта женщина вообще узнала ее имя?

— Я просто пыталась помочь. — Софи уже жалела, что вообще встретила с незнакомкой взглядом.